

К вопросу о второй песни песенного канона¹

В своем исследовании «Св. Иосиф песнописец и его творческая деятельность» прот. Владимир Рыбаков постарался выяснить причины исчезновения второй песни из песенного канона. Работая с рукописями, он убедился, в неосновательности расхожего мнения, будто эта песнь исключена из-за своего непростительного характера. Прот. В. Рыбаков подтвердил выводы проф. А. И. Пападуполо-Керамевса: предание, идущее от Зонары и Продрома – первых толковников песенных канонов, есть предание ложное и с XIII в. до нашего времени воспроизводится некритично². На материале найденных им вторых песен различных канонов автор показал, что содержание этих песен соответствует празднуемому торжеству и что практика девятипесенного канона до XI века была обычной для многих гимнографов и своего расцвета достигла в творчестве св. Иосифа Песнописца (+883г.). Девятипесенная традиция нашла отражение и в древней Грузинской Церкви и сохранялась, судя по памятникам, до X и отчасти XI вв. Прот. В. Рыбаков указывает, что практику девятипесенного канона ввел св. Андрей Критский, а после него, в VIII веке, Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский исключили из канона вторую песнь.

Но чем же все-таки было вызвано опущение второй песни? «Мы не знаем причины этого явления», – признает исследователь³, однако делает предположение: «IX век был временем, если можно так выразиться, полного насыщения церковных служб разными трудами песнотворцев. Отсюда являлась необходимость редакционного сокращения богослужебного материала. В этих целях и канон стали употреблять в большинстве случаев только один, но его стали брать именно в том сокращении, какое сделали в свое время Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский, т. е. без вторых песен. Переписчики, эти почти единственные составители и редакторы церковных сборников, помещая в последних восьмипесенные каноны, стали и прежде составленные девятипесенные каноны писать уже без вторых песен»⁴.

Окончательный вывод исследователя таков: «Во-первых, песнописцы VIII и главным образом IX века, особенно Иосиф Гимнограф, писали девятипесенные каноны среди многих восьмипесенных на торжественные христианские праздники и памяти святых всего года, не наблюдая того, чтобы во вторых песнях канонов непременно сохранить характер ветхозаветного прототипа. Во-вторых, вторые песни были исключены из канонов по неизвестной нам пока точно причине, может быть, ради порядка и экономии времени и

¹ Доклад приводится в сокращении

² Рыбаков В.А., прот. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. М., 2002. С. 496

³ Там же. С. 568

⁴ Там же. С. 570

примера великих иерусалимских песнописцев – Иоанна Дамаскина и Косьмы Маюмского, но не потому, что они не подходили своим содержанием, будто всецело печальным и скорбным, к торжественности и радости христианских праздников. И, наконец, в-третьих, нам неизвестно точно время смены одной практики другой»⁵.

Новейшие научные исследования не внесли ясности в этот вопрос. С опорой на выводы прот. В. Рыбакова А. Ю. Никифоровой было отмечено существование разных гимнографических школ: Палестинской и Константинопольской, первая из которых создала практику восьмипесенного канона⁶. Что побудило Палестинскую школу изъять вторую песнь (причем не исправляя нумерации остальных песен канона) и окончательно ввести восьмипесенный канон в свою практику? Это остается неразгаданной тайной многие века.

Причина неуспеха, возможно, в том, что до сих пор не обращалось должного внимания на практическую сторону исполнения канона. Первый, кто указал на это, был вышеупомянутый проф. А. И. Пападуло-Керамевс. По его мнению, удаление второй песни связано со следующими уставными предписаниям Ирмология⁷: «По возгласе священника *Милостию и щедротами* начинаем: *Господеви поем*, на глас канона Минеи дне святого и глаголют стихи песней скоро кийждо лик свой стих, дондеже достигнут до *Огустеша*, и от того начинают стихи держати на 14. И поем Минеи со ирмосом на 6, поем же сице. Первый лик, глаголет стих: *Огустеша*, и поет ирмос. Второй же лик глаголет второй стих: *Рече враг*, и по нем тропарь канона. И по ряду стихи по ликом» (раздел «Во Святую и Великую Четыредесятницу стихословятся песни сице»).

Из этих указаний видно, что канон поется с библейскими песнями, антифонно и постишно, т. е. поется стих библейской песни и за ним тропарь канона, причем стихи библейских песен поются на глас канона Минеи. Так же поются и песни с 3-й по 9-ю. Иначе исполняется вторая песнь: «Подобает ведати, яко вторая песнь никогдаже стихословится, токмо во единой Великой Четыредесятнице, во вторник, стихословим же ю даже до конца, к тропарем же глаголем припев: *Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе*: по единому коегождо».

Рассмотрим причины отдельного от тропарей канона исполнения второй библейской песни. Во-первых, тропари канона затмевались многочисленными стихами библейских песен, преобладало обличительное настроение ветхозаветной песни. Известно, что каноны поются на 12, то есть двенадцать тропарей, в лучшем случае на праздники – на 14 (и то с ирмосами по дважды), а во второй библейской песни – 65 стихов. Сократить эту песнь не

⁵ Там же. С. 570–571.

⁶ Никифорова А.Ю. Проблема происхождения служебной Минеи: структура, состав, месящеслов греческих Миней IX–XII вв. из монастыря святой Екатерины на Синае / Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 94–96

⁷ Там же. С. 10

решились, как было сделано с другими песнями для будничных дней (во Святую Четыредесятницу все песни поются в полном составе).

Вторая причина – это не печальное и покаянное, но, напротив, радостное и панегирическое содержание второй песни, что было показано прот. В. Рыбаковым. Об этом же свидетельствует и Цветная Триодь: в ее приложении помещены трипеснцы прп. Иосифа Песнописца, которые положено петь на повечериях во весь период Пятидесятницы. В частности, каждый вторник положено петь вторую песнь – но ни в одной из них невозможно найти и тени печали⁸. Как замечает наш современник, великий знаток церковного устава и песнописец свт. Афанасий Ковровский: «Устав Православной Церкви всегда руководствуется мудрым наставлением Екклизиаста: *всему свое время... время сетовать и время ликовать*. <...> Поэтому устав не терпит и не допускает смешения скорбного и торжественно-праздничного»⁹.

Раздельное исполнение второй библейской песни и тропарей канона имело, в свою очередь, важные следствия, касающиеся особого положения второй песни в сравнении с прочими песнями канона. Во-первых, вторая библейская песнь не поется во глас ирмоса канона или ирмоса второй песни. Во-вторых, эта песнь стихословится с отдельным припевом, представляющим собой торжественное прославление Бога и лишенным покаянного чувства, которое требуется от молящихся в период Четыредесятницы¹⁰. Всё это привело к выпадению из канона и библейской песни, и тропарей второй песни канона.

Остается выяснить, кто заметил особенности второй песни канона и внес соответствующие предписания к ее исполнению. Ответ на это дает свт. Симеон Солунский (XV век). «В обителях, – говорит он, – и почти во всех церквах соблюдается чин одного Иерусалимского устава св. Саввы, потому что его можно совершить и одному. <...> Начертание устава Саввы Освященного, затерянное при опустошении того места варварами, впоследствии при своем трудолюбии изложил патриарх Святаго Града, святой отец наш

⁸ Отметим, что вторых песен печального и покаянного характера написано незначительное количество, т. к. их положено петь только в период Четыредесятницы и только во вторники. Всего получается 7 песен Иосифа Песнописца, 7 песен Феодора Студита и один его же канон в мясопустную неделю, а также Великий канон свт. Андрея Критского и вторая песнь канона того же автора песнь в Великий Понедельник. Итого – 17 печальных вторых песен, которые смогли подорвать праздничную репутацию остальных вторых песен, певшихся на всякий день года. (Мы не можем включить в этот плачевный список еще две песни из-за праздничного и торжественного их содержания, хотя они, как ни парадоксально, поются в триодный период Четыредесятницы. Одна песнь находится в службе преподобных отцев, суббота сырная, начало первого тропаря: «Благоухания ныне исполняемся, яко в рай другой текуще...». И вторая поется в пяток ваий на повечерии, первый тропарь: «Слава Тебе возгласившему токмо, и из гроба мертв четверодневна друга воздвигшему Лазаря».)

⁹ Свт. Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб., 1995. С. 48.

¹⁰ Содержание некоторых тропарей вторых песен (например, во вторник третьей седмицы Великого поста) вызывает несоответствие с данным припевом и в плане диалогическом, т. к. многие тропари направлены не от молящегося к Богу, а, напротив, от Лица Божия к молящимся, или же представляют собой обращение грешника к самому себе или к молящимся в храме.

Софроний. После него этот устав возобновил божественный отец наш и богослов Иоанн Дамаскин и, написав, передал его для употребления»¹¹.

Перед нами – два великих гимнотворца. О первом известно, что он писал только трипеснцы, а о втором, т. е. об Иоанне Дамаскине, известно, что он является родоначальником Палестинской школы канонического песнопения. О патриархе Софронии сказано, что он изложил затерянный устав св. Саввы, а о Дамаскине, что он этот устав возобновил, написал и передал его для употребления. Очевидно, Иоанн Дамаскин не мог не заметить непростительное звучание второй библейской песни в богослужении, когда торжественно воспеваются память святого или Господского или Богородичного события. Трагичный характер этой песни, неудобство размера в соотношении стихов с тропарями канона и, главное, дисгармоничное звучание при антифонном исполнении тропарей и стихов – всё это дало ему повод переместить вторую библейскую песнь на период Святой Четыредесятницы. Чтобы звучание канона как цельной композиции не нарушило общей гармонии при исполнении второй песни канона без стихов библейской песни или вместо них употреблением особых припевов, он узаконил и вторую песнь канона петь во Св. Четыредесятницу, но стихослова библейскую песнь и песнь канона отдельно по вышеуказанным причинам и для лучшего их усвоения молящимися. Таким образом, Дамаскин: 1) усовершенствовал композиционное исполнение канона; 2) гармонизировал его звучание с библейскими песнями; 3) не нарушил первоначальную основу троицы канона, сохранив нумерацию песен.

Остается ответить еще на один вопрос: в каком веке и по какой причине палестинская практика восьмипесенного канона окончательно вытеснила константинопольскую практику? Ответ таков. Повсеместное распространение Иерусалимского устава на православном Востоке естественным образом принесло с собой и восьмипесенную практику. Причину же скорого распространения Иерусалимского устава объяснил проф. Н. Д. Успенский: «Начавшееся много раньше XII столетия проникновение в Константинополь иерусалимских обрядов и обычаев, заимствование канонов и других песнопений иерусалимского происхождения, а также праздников привело в XII веке к постепенному распространению в Константинопольском патриархате Иерусалимского устава. Этому способствовали, во-первых, постоянные близкие взаимоотношения между обоими патриархатами. <...> Во-вторых, сама лавра прп. Саввы Освященного, являвшаяся центром духовного просвещения в Палестине и, отсюда, имевшая исключительно большое значение в истории Иерусалимского устава, обладала рядом филиалов далеко за пределами Иерусалима <...> Наряду с этими причинами, можно сказать, внешнего характера, обеспечившими распространение

¹¹ Свт. Симеон Солунский. Премудрость нашего спасения. М., 2009. С. 456.

Иерусалимского устава далеко за пределами его родины, была еще одна причина, немало содействующая успеху его распространения, вытекавшая из характера самого устава. Иерусалимский устав отличался не только от устава Великой константинопольской церкви, но и от константинопольских монастырских, в частности от виднейшего из них Студийского, простотой в смысле доступности отправления по нему богослужения <...> Это качество устава тем более становится ценным в Константинополе в начале XII столетия в условиях разгрома его крестоносцами (1204 г.), когда патриарх должен был покинуть столицу и переселиться в Никею и когда многие константинопольские монастыри, в том числе и славный своим уставом Студийский, подверглись опустошению и разрушению. Начавшееся с этого времени постепенное ослабление мощи империи, а с нею и связанной с государством бытовыми и экономическими узами Церкви, тем более способствовало успешному распространению Иерусалимского устава. XII век можно считать временем повсеместного распространения Иерусалимского устава на Православном Востоке»¹².

Есть еще одна весомая причина, по которой Иерусалимский устав быстро распространился по всему Востоку. «Никон Черногорец (XI век), побуждаемый нестроениями в тогдашних монастырях, сделал письменное руководство для иноков, сводный Типикон, или «Тактикон», чрез сличение разных уставов. При составлении своего «Тактикона» Никон отдавал преимущество Иерусалимскому уставу перед Студийским, во-первых, из-за того, что Иерусалимский устав обосновывает свои предписания на «Божественных писаниях», а не дает их, подобно студийским, без мотивировки, пример чего Никон указывает далее в более строгих правилах поста по Иерусалимскому уставу, согласных с правилами св. апостолов, соборов и древних подвижников. В виду таких преимуществ Иерусалимского Типикона Никон и заботился о его распространении и свой сводный устав «Тактикон» пишет в его духе, отмечая все же по местам и Студийскую практику, а иногда заимствуя предписания из Святогорского Типикона»¹³.

Таким образом, мы можем утверждать, что в XIV веке девятипесенная практика исполнения канона была совершенно исключена из церковного употребления. По крайней мере, это относится к греческому Востоку, как об этом свидетельствует проф. А. И. Пападуло-Керамевс¹⁴.

Завершая этот краткий обзор причин исчезновения второй песни из девятипесенного канона подведем следующие итоги:

¹² Успенский Н. Д. Православная вечерня: историко-литургический очерк. Чин всенощного бдения на Православном Востоке и в Русской Церкви. М., 2004. С. 219–220.

¹³ Скабалланович М. Толковый Типикон. Издание Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 410.

¹⁴ Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т 1. Восточная агиология. М., 1997. С. 220.

1. Главная причина исчезновения второй песни канона кроется не в ней самой, а в ее прототипе, то есть во второй библейской песни – песни Моисея, с которой вторая песнь канона была связана попарным, антифонным исполнением на утрени. Именно песнь Моисея «вся исполнена прещения, вся печальна и полна утрашения», как обычно выражались толковники канонов. Напротив же, вторая песнь канона вся радостна, вся исполнена света и торжественности празднуемого события. Но так как в первые времена, когда канон начал появляться на утреннем богослужении, он стихословился с библейскими песнями попарно, при этом каждая песнь канона имела свой прототип и свою основу – библейскую песнь, то изъятие второй библейской песни повлекло за собой и исчезновение второй песни канона (она сохранилась преимущественно в период Четыредесятницы).

2. Вторая причина – большой размер второй библейской песни, порождавший неудобство разметки стихов: на сколько тропарей стихословить канон и с какими именно стихами библейской песни. Вторая библейская песнь непропорционально другим песням удлиняла время исполнения канона, нарушая таким образом цельность этого жанра.

3. Наконец, третья причина исчезновения второй песни из девятипесенного канона имеет сугубо уставной характер и вытекает из двух предыдущих. Это Иерусалимский типик, в котором было определено, по вышеуказанным соображениям, как и когда стихословится вторая песнь канона. С распространением Иерусалимского устава по всему православному миру вторая песнь канона заняла свое место в периоде Святой Четыредесятницы. Окончательно не выяснено, действительно ли автором этого уставного предписания является преподобный Иоанн Дамаскин. Однако есть косвенные данные, подтверждающие такое предположение. Во-первых, мы знаем, что в период формирования девятипесенного канона прп. Иоанном была составлена редакция Иерусалимского Савваитского устава. Во-вторых, его предшественником был другой выдающийся гимнограф – патриарх Софроний, составивший чинопоследование часов, в чем проявилась свойственная ему логика в формировании богослужебного цикла. Софронием могли быть также сделаны некоторые замечания о стихословии второй библейской песни.

Теперь, когда причина исчезновения второй песни известна, возникает вопрос: не следует ли восстановить целостность канона? Ведь девятипесенная структура канона изначально толковалась как изображение небесной иерархии и ее песней (Иоанн Зонара). К восстановлению второй песни побуждает и следующая, к сожалению, уже давно сложившаяся, «традиция» – упускать из утрени стихословие библейских песен, когда вместо библейских стихов мы читаем припев к тропарям канона. Но если таково нынешнее положение дел, то желательно было бы, чтобы вторая песнь снова, как и раньше, заняла свое

подобное место в каноне, а так же и в церковном творчестве. Намного сложнее ситуация, когда библейские песни всё же стихословятся. Здесь необходимо творческое, богословски осмысленное решение, ибо древние отцы не решились лишать эту богодохновенную песнь какой-либо части. Однако некоторые намеки на то, что имелась сокращенная редакция библейской песни, можно усмотреть в самих ирмосах, относящихся к этой песни. В Ирмологии на каждый глас мы видим две вариации ирмосов второй песни. Первая из них перефразирует начальные строфы библейской песни и начинается со слов: «Вонми небо и возглаголю...», а вторая группа ирмосов соответствует перифразе окончательного увещания, исходящего от лица Божия: «Видите, видите яко Аз есмь Бог...», которое находится в конце библейской песни и насчитывает десять стихов, а так же конечные два – на «Слава» и на «И ныне», что соответствует стандартному числу тропарей канона, поемых на праздничной утрени. Если это предположение верно, то ничто не мешает сделать новую редакцию второй библейской песни и подобрать соответствующие стихи, с которыми можно было бы стихословить канон на утрени¹⁵. Первая часть этой песни, например, до 20-го стиха, не носит обличительного и угрожающего характера, и могла бы быть включенной в праздничную утрению. Но как бы проблема второй библейской песни ни была решена, нужно не забывать, что в церковном обиходе песенные каноны употребляются и кроме утрени, например, на повечериях и на молебнах, включая и келейное молитвословие. И здесь они также могли бы быть воссозданы в изначальной красоте и полноте.

Отметим также, что действующий богослужебный устав иногда сам игнорирует свое строгое предписание, касающееся исполнения второй песни канона лишь во вторник Великого поста. Так, например, за неделю до Четыредесятницы вторая песнь появляется на утреннем каноне в субботу мясопустную. Затем в сырную субботу, снова на утреннем каноне. На первой седмице Четыредесятницы вторая песнь поется на повечерии в великом каноне не только во вторник, но и в понедельник, и в среду, и в четверток. На пятой седмице Поста вторая песнь снова появляется на утреннем каноне в четверток. Затем она поется в пяток на повечерии шестой седмицы. И далеко минувя пределы Четыредесятницы, эта песнь снова появляется уже в период Пятидесятницы, на утреннем каноне родительской троицкой субботы, а также во все вторники на повечерии.

Итак, мы видим, что вторая песнь может стихословиться не только во вторник, но и в каждый день седмицы, исключая только воскресенье, и что ее стихословие не ограничивается периодом Четыредесятницы, но начинается за неделю до нее и простирается

¹⁵ Кстати, нужно заметить, что «в ветхозаветном еврейском богослужении песнь Моисея «Вонми небо» исполнялась не вся, но одна шестая часть ее в каждую субботу по порядку». Скабалланович М. Толковый Типикон. Издание Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 5

на период Пятидесятницы. Эти факты убедительно доказывают не только архаичный характер второй песни канона, но и то, что она гармонично вписывается в его структуру.